
ПОСЁЛОК, КОТОРОГО НЕТ
КНИГА 1. ПОСЛЕДНИЙ АВТОБУС
КИРИЛЛ ВЕРДЕН

Кирилл Верден

Посёлок, которого нет. Книга 1. Последний автобус

«Автор»
2026

Верден К.

Посёлок, которого нет. Книга 1. Последний автобус / К. Верден — «Автор», 2026

Семнадцать лет назад его сестра погибла.По крайней мере, так утверждали все документы.Но однажды ночью он получает голосовое сообщение с её номера:«Я жива. Приезжай за мной. Только не садись в последний автобус».Адрес приводит его в забытый посёлок, которого нет ни на одной современной карте.Здесь люди не стареют. Дороги возвращают обратно. А местные жители отчаянно скрывают то, что произошло семнадцать лет назад.Он приехал найти сестру.Но вскоре понимает: кто-то специально ждал его возвращения.**Некоторые места исчезают с карт не просто так.**

© Верден К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12

Кирилл Верден
Посёлок, которого нет.
Книга 1. Последний автобус

Глава 1

Глава 1. Голос мёртвой сестры

В 03:17 Артём проснулся от вибрации телефона.

Тот лежал экраном вниз на деревянной тумбочке и, подрагивая, медленно полз к краю. Артём успел поймать его прежде, чем он свалился на пол. За окном моросил ноябрьский дождь. В соседней квартире кто-то кашлянул, хлопнула дверь холодильника — обычные ночные звуки дома, в котором стены были тоньше, чем обещал застройщик.

Номер на экране был незнакомым. Вернее, незнакомыми были первые цифры. Последние четыре Артём узнал сразу: 17-09.

Когда-то он мог назвать весь номер по памяти. Семнадцать лет прошло, а эта бессмысленная последовательность так и осталась в голове, рядом с датой собственного рождения и адресом первой квартиры.

Он сел. Телефон продолжал звонить.

— Алло?

В ответ послышалось глухое шуршание. Будто кто-то прикрыл микрофон ладонью. Потом — низкий рокот двигателя, короткий скрежет металла и два отчётливых удара. Артём прислушался. На том конце не разговаривали, но и тишины там не было.

— Кто это?

Связь оборвалась.

Артём ещё несколько секунд держал телефон у уха. Затем открыл журнал вызовов. Номер начинался с обычного мобильного кода. Не скрытый, не служебный. Такой можно купить в любом салоне связи.

И всё-таки пальцы похолодели.

Ровно эти четыре цифры стояли в конце номера Марины.

Сестра исчезла осенью 2009 года. Ей было двадцать один. Ему — двенадцать. Следователи говорили с матерью на кухне шёпотом, будто ребёнок, оставшийся за дверью, не способен разобрать слова «паводок», «поисковая операция» и «шансов практически нет». Тело Марины не нашли. Через несколько лет её официально признали погибшей; мать поставила на семейном участке кладбища плиту с фотографией.

Поначалу Артём ходил туда каждое воскресенье. Потом — в дни рождения. Последние два года, после смерти матери, почти не ездил.

Телефон коротко звякнул.

Пришло сообщение с того же номера. Один аудиофайл, двадцать восемь секунд. Без текста.

Артём посмотрел на время — 03:19 — и почему-то пошёл на кухню. Налил воды в стакан. Выпил половину, поставил на стол. Только после этого нажал воспроизведение.

Сначала зашипел дождь. Был слышен мотор — старый, тяжёлый, работавший на холостых оборотах. Скрипнула дверь. Где-то поблизости мужчина сказал: «Быстрее, пожалуйста». Его голос растворился в шуме.

А затем заговорила Марина.

— Тёма, не бросай трубку. Пожалуйста.

Он резко остановил запись.

На кухне тихо гудел холодильник. Капля воды скатилась по внешней стенке стакана и оставила на столе маленький мокрый круг. Артём смотрел на него, пока не понял, что задержал дыхание.

Он включил файл сначала.

— Тёма, не бросай трубку. Пожалуйста. Я знаю, как это звучит. Ты можешь не верить, но я жива. Найди старую автостанцию в Новоельске. Спроси семнадцатый маршрут. И запомни: не садись в последний автобус. Даже если увидишь там меня.

Шум усилился. Раздался короткий вскрик — не испуганный, скорее сердитый.

— Не трогай его! — сказала Марина уже кому-то другому.

После этого в запись ворвался детский голос:

— Марин, я же согласился! Ты обещала!

Аудиофайл закончился.

Артём не сразу понял, откуда знает последнюю фразу. Дело было не только в словах. Он узнал собственный голос — высокий, с хрипотцой, которая появлялась у него после долгого плача. Так он разговаривал в двенадцать лет.

Ему не с кем было спутать этот звук. Мать любила снимать их на видеокамеру, и в детстве Артём постоянно просил перемотать плёнку, чтобы послушать, как «смешно пищит» он сам.

Но откуда на записи, сделанной сегодня, взялся его детский голос?

* * *

Двадцать минут Артём занимался исключительно разумными вещами. Перезвонил — робот сообщил, что абонент недоступен. Проверил номер в поисковике — никаких результатов. Сохранил аудио на телефон и ноутбук. Отправил копию себе на почту. Время создания файла было сегодняшним; никаких данных об устройстве, на котором его записали, не сохранилось.

Он даже нашёл в интернете статью о подделке голоса с помощью нейросети. Прочёл половину, не запомнив ни строчки.

Марина говорила быстро, чуть проглатывая окончания слов. На «Тёма» делала ударение так, будто это не имя, а маленькое предупреждение. И перед словами «я жива» в записи едва слышно втянула воздух сквозь зубы. Именно так она делала, когда нервничала: в детстве сломала передний зуб о край бассейна и долго стеснялась улыбаться.

Подделать можно было и это. Если у человека имелись старые записи. Они существовали. На нескольких семейных кассетах Марина смеялась, ругалась с матерью, пела чужие песни, дурачилась перед камерой. После похорон матери Артём вывез кассеты вместе с остальными вещами.

Возможно, кто-то получил к ним доступ.

Возможно, это чей-то жестокий розыгрыш.

Оставался вопрос: кто именно знает про семнадцатый маршрут?

Артём не помнил, чтобы рассказывал о нём кому-нибудь в последние годы. Правда, он почти ничего не помнил о последних часах перед исчезновением сестры. В памяти сохранились отдельные кадры: мокрая остановка; стекло автобуса, по которому стекала грязная вода; Маринина ладонь на его затылке. И запах дешёвого апельсинового освежителя, от которого его до сих пор иногда тошнило в междугородних маршрутках.

Что произошло дальше, он так и не смог восстановить.

Врачи тогда объяснили матери: после переохлаждения и сильного стресса такое бывает. Мальчик мог забыть несколько часов, а мог — целые сутки. С годами память иногда возвращается, иногда нет. Настаивать не надо.

Мать не настаивала.

Артём зашёл в комнату и открыл шкаф. На верхней полке, за чемоданом с зимней одеждой, стояла плоская картонная коробка. На крышке материнским почерком было выведено: «Марина. Фото и документы».

Он перенёс её на стол.

Внутри лежали справки, газетные вырезки, ксерокопии протоколов и фотографии. Мать собирала их годами, не доверяя ни полиции, ни объяснениям чиновников. Каждый раз, когда где-то находили неопознанную женщину, она записывала телефон дежурной части. Каждый раз, когда в новостях говорили об исчезнувших, проверяла возраст и описание.

Артём перебрал бумаги. Под обложкой старого блокнота нашёл листок в клетку. На нём — номер Марины, написанный синим фломастером. Последние цифры: 17-09.

Совпадение подтвердилось. Теперь оно выглядело не страшнее, а хуже: материальная вещь, бумага с загнутым углом, удостоверяла то, чего быть не могло.

Под листком лежала фотография. Летний день 2009-го. Марина сидела на бетонном парапете у дороги, жмурилась от солнца. На ней была красная ветровка, которую Артём терпеть не мог: сестра заставляла его надевать её, когда к вечеру холодало. Сам Артём стоял рядом, худой, коротко стриженный, с перекошенным от смеха лицом.

За их спинами виднелась старая автобусная остановка.

На синей табличке над расписанием уцелели несколько букв: «...ЛЬХОВ ЛОГ». И ниже — номер маршрута: 17.

Ольхов Лог.

Артём медленно повторил название. Оно не вызвало никаких воспоминаний. Даже знакомого ощущения, которое бывает при виде давно забытого адреса.

Он сфотографировал остановку крупнее и открыл карту.

Поиск предложил два похожих названия в других областях. Ольхова Лога в их регионе не было. Артём проверил старые автомобильные атласы, доступные в сети, и нашёл его только на скане карты начала двухтысячных: крошечный населённый пункт возле леса и водохранилища, в сорока с небольшим километрах от Новоельска. Тонкая дорога уходила к нему от областной трассы, делала изгиб у реки и обрывалась у маленького чёрного кружка.

На современной спутниковой карте в этом месте тянулись деревья и заболоченные просеки. Дорога как будто исчезла. Не было ни домов, ни линий электропередачи, ни привычных светлых пятен дворов.

Он увеличил изображение до предела. Между верхушками деревьев угадывалась едва заметная прямая полоса — слишком ровная для лесной тропы. Возможно, старая дорога. Возможно, след лесовозов.

К шести утра за окном посветлело. Артём так и не лёг.

* * *

Вера ответила после четвёртого гудка.

— Если ты просишь меня выйти за тебя на смену, сначала скажи, кого убил, — сонно произнесла она.

— Мне нужно кое-что проверить.

— Как неожиданно. Доброе утро тебе тоже.

Вера работала в редакции местного новостного сайта. Они дружили со студенческих лет: когда Артём учился на инженера-дорожника, она снимала репортажи о разбитых мостах и всякий раз требовала от него объяснить, почему «нельзя просто залить эту дыру асфальтом». За десять лет она научилась узнавать по его голосу, когда он чего-то не договаривает.

— Ты опять не спал? — спросила она.

— Пришло сообщение от Марины.

В трубке стало тихо.

— От какой Марины?

Он не ответил.

— Артём... Ты сейчас серьёзно?

— Я пришлю запись. Прослушай в наушниках.

— Кто прислал?

— Не знаю. Номер её старый.

— Ты же понимаешь, что номера перевыпускают? Что можно подделать голос?

— Понимаю.

— Тогда почему звонишь мне так, будто её действительно нашли?

Артём посмотрел на фотографию возле ноутбука. Сестра сидела, повернув голову к солнцу. Между бровей у неё была маленькая складка — появлялась всякий раз, когда она пыталась не рассмеяться.

— Там есть мой голос, — сказал он. — Детский. Из той ночи.

Вера перестала задавать вопросы. Попросила переслать файл и дала себе десять минут.

Пока она слушала, Артём вышел на балкон. Ноябрьский воздух был сырой и холодный. Во дворе мужчина в форме коммунальной службы с раздражением пытался открыть мусорный контейнер, у которого заклинило крышку. Рядом стояла женщина с собакой и терпеливо ждала, хотя пёс явно давно решил, что прогулка закончена.

Жизнь снаружи продолжалась так, словно никто не слышал голоса из прошлого.

Вера перезвонила через семь минут.

— Это очень похоже на твою сестру, — сказала она. — Я помню её голос с семейного видео, которое ты показывал. Но «похоже» — не доказательство.

— Я знаю.

— Не перебивай. Я могу попросить знакомого звукорежиссёра посмотреть монтаж. Не обещаю, что он что-то определит. И ещё: откуда у тебя Ольхов Лог?

— На фотографии. Это рядом с Новоельском. Туда ходил автобус.

— Погоди. Я сейчас открываю архив. Ольхов Лог... Ольхов Лог...

Артём слышал, как щёлкают клавиши. Потом Вера тихо выругалась.

— Нашла заметку. Тринадцатое октября две тысячи девятого. После аварии на гидротехническом сооружении жителей вывезли, участок дороги закрыли. Посёлок позднее упразднили.

— Эту статью я видел.

— Тогда вот что ты не видел. Внизу есть исправление, добавленное спустя два дня. Список эвакуированных уточнялся. Фамилия твоей сестры сначала была среди спасённых, потом её убрали.

Артём опёрся о холодные балконные перила.

— Что значит «среди спасённых»?

— То и значит. Я сейчас сделаю скриншот. Только не строй из этого выводов. В первые сутки после бедствия люди путают фамилии, списки ходят из рук в руки. Ошибки бывают.

— Марина была в списке живых?

— Артём, пожалуйста, послушай меня. Я не хочу, чтобы ты снова прошёл через то же самое.

Он смотрел на пустую детскую площадку. Ветер медленно раскачивал качели.

— Я тоже не хочу, — сказал он.

Вера вздохнула.

— Приезжай ко мне в редакцию. Посмотрим документы вместе. И ничего не делай в одиночку, договорились?

— Договорились.

Он сказал это так быстро, что Вера сразу не поверила.

* * *

В десять утра в редакции пахло кофе, мокрыми куртками и перегретой техникой. Вера освободила маленькую переговорную, принесла два бумажных стакана и разложила на столе распечатки.

На первой был скриншот старой новости. Заголовок сообщал о повреждении дамбы и срочной эвакуации. В тексте упоминались размытый мост, перебои со связью и автобус, который помогал вывозить жителей к железнодорожной станции Новоельска.

На второй распечатке — первоначальный список людей, доставленных в пункт временного размещения. Фамилии стояли неровными колонками. Девятой значилась «Морозова Марина Викторовна, 1988 г. р.».

Имя было подчёркнуто ручкой, рядом стоял вопросительный знак.

— Это скан из муниципального архива, — сказала Вера. — В следующей версии её уже нет. Я запросила пояснение, но ответят не раньше чем через несколько дней.

— Там фамилия моей матери?

— Нет. Ваша мать, насколько я поняла, приехала искать вас позже. Смотри, Артём. Список составляли наспех. Возможно, фамилию записали со слов другого пассажира.

— Или она действительно выбралась.

— Или она действительно выбралась, — неохотно согласилась Вера. — Но это не значит, что тебе звонила она.

Артём взял распечатку. Пальцы больше не дрожали. Он чувствовал странную ясность, которая иногда приходила к нему во время аварийных выездов: когда на дороге лежала перевёрнутая машина, спорить о причинах было бесполезно. Сначала нужно было понять, что известно наверняка.

Марина находилась в Ольховом Логе в октябре 2009-го. В архиве существовало свидетельство, что после аварии её могли видеть живой. Сегодня с её старого номера пришла запись, где прозвучало название маршрута. Этого было недостаточно для объяснения, но достаточно, чтобы перестать считать всё дурным сном.

— А автобус? — спросил он.

— Что автобус?

— Семнадцатый маршрут. Кто его обслуживал?

Вера повернула к нему экран ноутбука.

— Старый частный перевозчик. Фирма закрылась ещё тогда. В документах маршрута конечная обозначена как «Ольхов Лог, поворот». Автобусы шли только до последнего моста. Дальше, по расписанию, пассажиры пересаживались на местный транспорт.

— Какой местный транспорт?

— Не знаю. Там не написано.

— Есть рейсы вечером?

— Артём.

— Просто скажи.

— Последний отправлялся в двадцать три сорок. По крайней мере, в расписании за две тысячи восьмой год.

Он взглянул на телефон. Под аудиофайлом не появилось новых сообщений. Номер по-прежнему был недоступен.

— Я съезжу в Новоельск, — сказал он.

— Нет.

— Мне надо увидеть старую станцию. Это ещё не посёлок, это обычный город. Там могут остаться люди, которые помнят маршрут.

— Тогда поедем вместе.

— У тебя работа.

— У меня как раз работа — проверять странные истории, в которых мой друг ведёт себя как человек из плохого фильма.

Он впервые за утро улыбнулся.

— Ты ведь всё равно поедешь один, да? — спросила Вера.

Артём отвёл глаза.

Вера достала из сумки ручку и на обороте распечатки записала телефон редакционного водителя, который жил в Новоельске.

— Если решишь ехать, хотя бы позвони ему. И мне. Перед выездом, после приезда, перед любым подвигом. Я не шучу.

— Позвоню.

— И ещё одно. В твоём сообщении на фоне кто-то произносит «быстрее, пожалуйста». Я почистила звук. Сразу после этих слов слышен звонок. Не телефонный. Как на старых автобусах, где водитель подавал сигнал перед закрытием дверей.

— Ты уверена?

— Нет. Поэтому и говорю, что надо проверять.

Она убрала распечатки в прозрачный файл и протянула ему.

— Забери. И постарайся сегодня хоть немного поспать.

* * *

Дома Артём снова открыл коробку матери. До разговора с Верой он перебирал бумаги в поисках номера и фотографии. Теперь искал всё, что относилось к последнему дню Марины.

Среди документов нашлось заключение врача о его собственном состоянии после эвакуации. Переохлаждение, обезвоживание, многочисленные ссадины, кратковременная дезориентация. Отдельно было указано: «Со слов пациента, находился в автобусе, иных обстоятельств не помнит».

Артём прочёл эту строку трижды.

Автобус.

Он всегда думал, что его нашли на дороге у разрушенного моста. Именно так мать рассказывала знакомым: рабочие увидели мальчика у обочины, передали спасателям, те отвезли в больницу. Об автобусе она не говорила.

На дне коробки лежал небольшой конверт из плотной пожелтевшей бумаги. В отличие от остальных, он не был подписан. Клапан держался на полоске старого скотча, который от времени почти перестал клеиться.

Внутри обнаружился автобусный билет.

Не тот, что выдают сейчас, с бледными строчками на термобумаге. Плотный прямоугольник серого картона, пробитый в двух местах компостером. По левому краю шли выцветшие буквы: «НОВОЕЛЬСК — ОЛЬХОВ ЛОГ». Ниже — «МАРШРУТ 17». Одна из дырочек пришлась прямо на цифру.

Артём перевернул билет.

На обороте мать написала: «Был в кармане Тёмы. 13.10.2009».

Под надписью виднелось ещё кое-что: короткая строка, нанесённая чёрной типографской краской. Настолько ровная, что он сперва принял её за служебный код.

«11.11.2026 23:40».

Он приблизил билет к лампе. Цифры не были дописаны ручкой. Краска въелась в картон, как и название маршрута. Дата была напечатана при изготовлении билета.

Одиннадцатое ноября две тысячи двадцать шестого года.

Завтра.

Артём почувствовал, как по коже на руках поднимаются мурашки. Он проверил телефон, словно тот мог показать другой год. Потом сфотографировал билет и увеличил снимок.

В каждом изгибе цифр виднелись мелкие дефекты старой печати. Никакого скрытого следа поверхностной надписи.

Он долго сидел над столом, пытаясь найти объяснение. Возможно, мать нашла билет позднее, уже после исчезновения Марины, и ошиблась в дате на конверте. Но она умерла три года назад. Билет с завтрашней датой всё равно не мог оказаться у неё.

В правом нижнем углу обнаружился ещё один штамп, почти неразличимый. Артём повернул лампу и прочёл:

«МЕСТО 12».

Двенадцать. Столько ему было, когда Марина пропала.

Он заставил себя положить билет на стол. Совпадения не становятся уликами только потому, что кажутся страшными. Эту мысль он повторил вслух, но от собственного голоса легче не стало.

Телефон завибрировал.

Новое сообщение. Тот же номер.

На этот раз не аудио — фотография.

Он открыл её. Снимок был сделан внутри старого автобуса. Узкий проход, коричневые сиденья, облупленная металлическая стойка. В дальнем окне отражался тусклый свет фонаря. Людей не было видно.

К фотографии прилагалась одна строка:

«Тёма, билет у тебя. Я не могу встретить тебя на станции. И не верь никому, кто скажет, что ты едешь туда впервые».

Артём прочёл сообщение ещё раз. Потом посмотрел на картонный прямоугольник под лампой.

Внутри автобуса на фотографии, над двенадцатым сиденьем, висела маленькая металлическая табличка. На ней кто-то острым предметом выцарапал два слова.

Он увеличил снимок до тех пор, пока буквы не расплылись в пиксели, потом немного уменьшил.

«ТЫ ОБЕЩАЛ».

Это было уже не похоже на розыгрыш, который можно разобрать по деталям. Это было похоже на разговор, начатый семнадцать лет назад и продолженный без его участия.

Артём положил телефон рядом с билетом.

Впервые за все эти годы его испугала не мысль о том, что Марина могла умереть. С этим страхом он как-то научился жить.

Его испугала другая мысль: что сестра всё это время ждала, когда он вспомнит, что ей обещал.

Он открыл приложение с расписанием междугородних автобусов и купил билет до Новоельска на утро.

Последний маршрут он пока решил не искать.

Но старую автостанцию собирался увидеть своими глазами.

Глава 2

В Новоельск Артём приехал в одиннадцать сорок утра. Автобус, на котором он добирался из областного центра, опоздал на двадцать две минуты: перед въездом в город рабочие перекладывали асфальт, и водитель полчаса ругался на людей в оранжевых жилетах. Артём поймал себя на том, что машинально оценил качество временной схемы движения. Она была составлена грамотно. Знаки стояли на нужном расстоянии, объезд не пересекался с пешеходной дорожкой. На несколько секунд это вернуло его к обычной жизни — чертежам, выездам, телефонным спорам с подрядчиками.

Затем он увидел старую автостанцию.

Здание стояло в стороне от действующего вокзала, за кирпичной котельной. Четыре высоких окна заколотили фанерой, под навесом росла трава. С надписи «АВТОСТАНЦИЯ» недоставало двух букв. Перед входом кто-то оставил пластиковую канистру и сломанный детский самокат, будто собирался вернуться за ними, но забыл.

Вера звонила трижды, пока он ехал. На первые два вызова Артём не ответил: водитель запретил разговаривать, а пассажир с соседнего сиденья сердито стучал ногой по полу. На третий ответил.

— Я уже на месте, — сказал он.

— «На месте» — это где?

— В Новоельске.

Вера шумно выдохнула.

— Ты обещал позвонить перед выездом.

— Позвонил бы, если бы не вышел в пять утра. Ты спала.

— Для таких случаев и существуют телефоны. Я нашла тебе человека. Павел Костров, наш бывший водитель. Живёт на Центральной, семь. Он ждёт звонка.

— Мне пока не нужна машина.

— Она тебе и не нужна. Павел родился здесь. Его отец работал на автостанции, когда существовал семнадцатый маршрут.

Артём остановился у ограды, покрытой облупившейся зелёной краской.

— Почему ты не сказала раньше?

— Потому что ты не брал трубку. И ещё: сохрани номер местной больницы. Я тебе отправила. Обещай, что не будешь садиться в какой-нибудь странный автобус посреди ночи.

Он посмотрел на старый билет в прозрачном кармашке кошелька. «МЕСТО 12». Дата — сегодняшняя. «23:40».

— Обещаю, — сказал Артём.

Вера помолчала.

— С тобой очень трудно дружить, Морозов.

— Зато почти никогда не скучно.

— Это как раз то, чего мне сейчас хотелось бы: чтобы было скучно.

Он убрал телефон. У входа в старую станцию висела табличка муниципальной охраны: территория закрыта, проход запрещён. Артём обошёл здание по дорожке вдоль стены. За ним обнаружилась маленькая пристройка с новым пластиковым окном. Из открытой форточки тянуло крепким чаем и разогретым маслом.

На двери было написано: «АРХИВ. Вход со двора».

За столом сидела женщина в вязаном жилете. Перед ней стоял электрический обогреватель и лежали стопки старых квитанций. Она даже не подняла головы, когда Артём вошёл.

— Приём по четвергам, — сказала женщина.

— Сегодня среда.

— Именно.

— Мне нужно найти сведения о старом автобусном маршруте. Семнадцатом.

Женщина отложила карандаш. Лицо её было широким, усталым, с глубокими складками у губ.

— Вам куда?

— Ольхов Лог.

Теперь она посмотрела на него внимательно.

— Молодой человек, вы откуда узнали это название?

— По старой карте.

— Турист?

— Нет. Моя сестра пропала там в две тысячи девятом.

Женщина некоторое время молчала, потом выдвинула нижний ящик стола и достала большую книгу в сером переплёте.

— Меня Тамара Васильевна зовут. Тогда я работала в билетной кассе. Вы фамилию назовите.

— Морозов. Сестра — Морозова Марина Викторовна.

Тамара Васильевна вздрогнула, будто Артём произнёс что-то неприличное. Перелистнула несколько страниц и остановилась.

— Морозова... — повторила она. — Помню её мать. Женщина приходила сюда целый год. Сначала каждый день, потом раз в неделю. Приносила фотографию дочери. Мы ей всё, что знали, рассказывали.

— Что именно?

— А почти ничего. У автобуса рейс был частный, расписание у них своё. После аварии нас всех допрашивали. Пожарные, милиция, какие-то люди из области. Один водитель клялся, что в тот вечер машина вообще не выходила. Другой видел её на кольце. А в журнале рейс значился отменённым.

Артём придвинул стул.

— У вас сохранился журнал?

— Не весь. После реорганизации половину вывезли. — Она помедлила. — Вы знаете, бывает, люди зацепятся за слух и потом всю жизнь не могут остановиться. Ваша мама была из таких.

— Поэтому мне нужно проверить, а не верить слухам.

Тамара Васильевна посмотрела на него с неожиданным одобрением.

— Покажите, что у вас есть.

Он достал билет.

Она взяла его за края, подвинула к окну и прищурилась. Сначала рассматривала лицевую сторону. Потом перевернула. Почти сразу опустила руку.

— Откуда это?

— Из вещей моей матери.

— Я такой картон помню, — сказала она негромко. — Но на нём печатали не дату поездки. Номер партии и номер рейса. Дату ставили штампом отдельно. Где-то, наверное, и штамп нашёлся.

— Здесь типографская строка. Посмотрите.

Тамара Васильевна провела ногтем по цифрам «11.11.2026».

— Мне не нравится эта шутка.

— Я не шучу.

— Кассирша из нашей смены однажды получила такой же билет. Только на нём стояло число, которое ещё не наступило. Это было после аварии. Она решила, что кто-то балуется старой формой. На следующий год у неё пропал племянник. Последний раз его видели у станции.

— Как его звали?

— Я... — Женщина замолчала. — Вот что странно. Я ведь помнила. Вчера ещё помнила. Подождите.

Она открыла блокнот, пролистала телефонные номера и остановилась на пустой строке.

— Здесь был записан номер его матери, — сказала она. — Я точно знаю.

Артём посмотрел. Между двумя именами действительно осталось место, куда можно было вписать ещё одно. Бумага не была вырвана. Ни следов ластика, ни зачёркивания.

Тамара Васильевна закрыла блокнот.

— Вы поезжайте домой.

— А если он приходит сегодня? Семнадцатый автобус.

— Никто не приходит. — Она произнесла это слишком быстро. — И, пожалуйста, не показывайте этот билет другим.

Она вернула картонный прямоугольник и встала, давая понять, что разговор окончен. Но Артём заметил, как женщина посмотрела на часы. Было двенадцать двадцать шесть.

— Чего вы боитесь? — спросил он.

— Того, что люди упрямы. Особенно когда у них кого-нибудь отняли.

* * *

Павел Костров оказался невысоким жилистым мужчиной лет пятидесяти, с седым ёжиком и ладонями водителя: широкими, с грубыми подушечками пальцев. Он встретил Артёма на пороге частного дома в тренировочных брюках и старой куртке.

— Значит, это ты Верин друг. Проходи. Она мне объяснила, что ты не турист, но многого не сказала.

В прихожей пахло печёной картошкой и табаком. На стене висела фотография автобусной колонны: машины разных лет стояли перед вокзалом, а водители в одинаковых кепках щурились на солнце.

— Семнадцатый здесь есть? — спросил Артём.

Павел посмотрел на фотографию.

— Крайний слева. ПАЗик с красной полосой. Отец на нём рейсы делал, пока не ушёл на другой маршрут. Потом машину взял Громов.

— Кто такой Громов?

— Пётр Андреевич. Нелюдимый мужик. За тридцать лет на дороге у меня всякие пассажиры встречались, но такого водителя второго не было. Всегда вовремя, ни разу не посигналит, а глаза... будто всё знает наперёд.

— Он жив?

Павел нахмурился.

— До аварии был. После — официально пропал. По крайней мере, его в списках не было. Вроде бы тоже за дамбой остался.

Артём достал фотографию сестры на остановке. Павел поднёс её к свету.

— Вот здесь они стояли. Остановка «Поворот». Это за старым мостом. Теперь там шлагбаум, лесники ездят в обход. Мост по документам разобрали.

— По документам?

— Я хотел однажды проехать, лет пять назад. Дорога обрывалась у насыпи. А наутро сосед рассказал, что видел на том месте автобус. Я, конечно, посмеялся. Он и сам потом говорил, что обознался.

Павел отдал фотографию.

— Хочешь, отвезу к шлагбауму? Пока светло.

Артём согласился.

Они поехали на старой «Ниве». Дорога сначала шла между гаражами, затем миновала частные дома и вышла к водохранилищу. Ноябрь был бесснежным. На отмелях лежали серые

ветви, из воды торчали ржавые трубы. Через полчаса асфальт кончился. Шины зашуршали по гравию.

На повороте стоял бетонный блок, перекрывающий полосу, и металлический знак: «ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЁН. АВАРИЙНЫЙ УЧАСТОК». За блоком тянулась сырая просека. Между деревьями чернела узкая полоска старого дорожного покрытия.

— Дальше пешком, — сказал Павел. — Но лучше не надо. Там промоины, старые сваи. Одно дело история, другое — головой рисковать.

Артём вылез и прошёл десяток метров вдоль насыпи. На земле лежали свежие следы колёс. Широкий протектор, двойная ошиновка задней оси. Он присел, пальцами раздвинул мокрую хвою.

— Здесь ездили недавно.

— Лесовозы, — сказал Павел.

— Лесовоз оставил бы другие следы. И ширина колеи не та.

Он посмотрел вдоль просеки. На краю грязи чётко отпечатался прямоугольник, похожий на след ребристого автобусного колеса. Рядом валялся обрывок жёлтой бумажной ленты. Артём поднял его. На мокрой поверхности проступала полустёртая типографская надпись: «...ВОЕЛЬСК — ОЛЬХ...».

Павел побледнел.

— Не трогай это.

— Что?

— Я сказал, оставь. — Он шагнул назад. — Я не хочу, чтобы ты решил, будто я тоже в это верю.

Артём спрятал ленту в карман.

— Поехали назад.

Павел молча сел за руль. Только у первого дома на въезде в город произнёс:

— Тамара Васильевна до сих пор каждое одиннадцатое ноября закрывает кассу раньше. Говорит, голова болит. Раньше я думал — возраст. А сейчас ты приехал с этим своим билетом. Не нравится мне всё это.

— Мне тоже.

— Тогда уезжай до ночи.

Артём уже дошёл до калитки, когда Павел окликнул его:

— Морозов. Вы инженером работаете, верно?

— Дороги и транспортные развязки.

— Тогда одну вещь покажу. Только не здесь.

Павел снял с гвоздя ключи, вывел из гаража старую «Ниву» и велел Артёму садиться. Они проехали две улицы, миновали детский сад с облупившимися фигурками зверей, свернули к техническому проезду вдоль железнодорожной насыпи. Там, среди сухого камыша, стоял металлический шкаф связи. Дверца была перевязана проволокой. На ней белели остатки синей краски.

— Отец здесь дежурил, пока не закрыли маршрут, — сказал Павел. — Передавал водителям сведения о заторах. Потом оборудование забрали, а шкаф оставили. Я иногда прихожу, когда надо вспомнить, что он говорил.

— Что именно?

Павел достал из кармана ключ, который явно не мог подходить к заржавевшему шкафу, и поддел проволоку плоскогубцами. Внутри не было аппаратуры. На задней стенке кто-то прикрепил прозрачный пластиковый файл. В нём лежал сложенный вчетверо лист миллиметровки.

— Он заставил меня это сохранить. За неделю до смерти. Сказал, если появится кто-нибудь с вопросами о семнадцатом маршруте, надо сначала посмотреть на цифры. Не на страшные истории, а на цифры.

Артём развернул схему на капоте. Бумага расползалась по сгибам. На ней карандашом были проведены две трассы: официальная, уходившая от Новоельска к мосту, и временная, обозначенная пунктиром вдоль старого русла. У каждой стояли расстояния и отметки высот. От одного места пунктир резко обрывался.

— Здесь ошибка, — сказал Артём.

— Какая?

— Между двумя контрольными точками указано семьсот метров. А по масштабу получается почти три километра. Если поверить отметкам, поворот должен находиться раньше болота.

— Значит, отец плохо чертил?

— Он мог ошибиться в масштабе, но тогда остальные отметки тоже не совпадали бы. А они совпадают. — Артём провёл ногтем по бумаге. — Получается, дорогу укоротили на схеме специально.

Павел молчал. С другой стороны насыпи прошёл товарный состав, тяжёлый и медленный. Они переждали, пока стихнет грохот.

— В последний вечер отец получил два сообщения, — сказал Павел. — Первое: остановить движение к мосту. Второе, через сорок минут: выпустить автобус, хотя по распоряжению дорога уже была закрыта. У него было правило — ни один приказ без подписи. Так вот, второе сообщение подписал начальник администрации. А первое — дежурный инженер.

— Фамилии помните?

— Инженера — Серов. Начальника — Нестеров. Тут несложно. Только отец до конца жизни спорил сам с собой, кто из них хотел спасти людей, а кто — прикрыть ошибку.

— А что говорил водитель?

Павел взглянул на него.

— Громов? Ничего. Он вернулся под утро, поставил автобус в парк и сидел за рулём до смены. Отец подошёл проверить путевой лист. Двигатель был холодный. А сиденья мокрые, будто машина простояла ночью с открытыми окнами под ливнем. При этом на дороге за городом дождь тогда уже закончился.

Артём изучил две трассы. До поездки ему казалось, что Ольхов Лог исчез из карт потому, что дороги больше не было. Теперь он видел другую возможность: путь существовал, но перестал совпадать с известными расстояниями. Глупая мысль. Невозможная. И всё же после голосового сообщения такие мысли перестали казаться ему самыми нелепыми.

— Можно сфотографировать?

— Я именно ради этого и привёз вас. Только на схеме отца не ищите место, где кончается дорога. Оно там не нарисовано.

Артём сделал снимки целиком и крупным планом. Потом заметил на обороте листа тонкую надпись, выполненную шариковой ручкой, но почти выцветшую: «Если мальчик вернётся, не сажать». Никакой даты.

— Какой мальчик? — спросил он.

Павел забрал лист. Прочитал. Медленно расправил сгиб.

— Я этого не видел.

— Вы сказали, что смотрели на схему раньше.

— С лицевой стороны. Отец не любил писать на обороте. — Павел посмотрел на Артёма так, словно наконец понял, почему тот ему знаком. — Сколько вам было в две тысячи девятом?

— Двенадцать.

— Господи, — выдохнул Павел.

Они поехали обратно молча. У вокзала Павел остановил машину, но двигатель не заглушил.

— Я никому не рассказывал про шкаф, — сказал он. — Не потому, что там секрет. Боялся, что меня сочтут сумасшедшим. А теперь вы приехали, и почему-то хочется, чтобы у всего была обычная причина. Например, чтобы отец просто перепутал чертежи.

— Я тоже предпочёл бы обычную.

— Тогда не проверяйте эту дорогу ночью.

Артём положил телефон с фотографиями в карман. Он мог сказать, что послушается. Павел, кажется, даже ждал именно этого. Но ещё утром Артём прочёл на обороте билета дату и время, которых на старом картоне не должно было существовать. После такой находки обещание «не проверять» выглядело бы ложью.

— Спасибо, что показали, — сказал он.

Павел поморщился.

— Только не благодарите заранее. У нас здесь так было всегда: один человек сообщает правду слишком поздно, другой делает вид, что не слышал. В итоге оба считают себя осторожными.

Артём закрыл дверь машины. Когда «Нива» отъехала, он снова открыл снимок карты. Возле обрыва пунктирной линии стояло маленькое число: 17. Можно было принять его за расстояние в километрах. Можно — за номер маршрута. Рядом отец Павла поставил карандашную точку и обвёл её двумя кругами.

Артём увеличил изображение. В центре точки, на самом сгибе бумаги, проступала короткая вертикальная черта. Как будто кто-то хотел написать единицу, но остановился.

Он попробовал вспомнить старую остановку с фотографии Марины. Стекло павильона, жаркое солнце, сестра на парапете. Чего там не было? Воспоминание упёрлось в пустоту. Ему вдруг стало важно не только найти место, где исчезли люди, но и понять, почему собственная память всякий раз обрывалась на пороге автобуса.

Через несколько минут Артём уже стоял возле работающей автостанции. В кассе открыли окно на обед, и женщина в форменной жилетке попросила подождать. Над ней горело табло с ближайшими рейсами. Ни одного семнадцатого маршрута. Он посмотрел на часы: до вечера оставалось несколько часов. Впервые за день времени показалось слишком много. Разумнее было ехать домой. Именно это посоветовали ему все, кто понял, зачем он приехал.

Но никто не смог объяснить надпись на обороте схемы: «Если мальчик вернётся, не сажать».

* * *

Вера прислала сообщение в половине шестого: «Звукорежиссёр не нашёл явных следов склейки. Это не доказывает подлинность. И ещё: полиция в 2025-м искала Нину Астахову, двадцать четыре года. Последний сигнал её телефона — Новоельск, автостанция, 11 ноября, 23:41. Знаю, как это звучит. Не геройствуй».

Артём перечитал имя. Оно ничего ему не говорило, но совпадение времени казалось слишком точным. Он попросил Веру прислать фотографию девушки и номер дела, если найдёт.

Вечер он провёл в гостинице у рынка. Разложил на покрывале старые документы, сравнил схему дорог и распечатки Веры. В восемь позвонила она сама.

— Я нашла мать Нины, — сказала Вера. — Зовут Людмила Астахова. До сих пор подаёт объявления о поиске. И ещё, Артём, в тех документах по дамбе есть нестыковка. Диспетчерская фиксировала ручное открытие аварийных затворов в тот вечер. Почему — не написано.

— Чтобы сбросить давление?

— Возможно. Но тогда почему посёлок объявили эвакуированным за два часа до открытия? Никто не объясняет.

— Запиши всё, что найдёшь. Мне скоро понадобится.

— Почему «скоро»? Где ты?

— В гостинице. Всё в порядке.

Она не ответила сразу.

— Если ты собираешься на станцию, позвони мне оттуда. Прямо с входа. И не подходи к автобусам.

— Обещал же.

— Артём, последнее предупреждение: пока у нас есть только документы и звонок. Не надо делать из этого приговор себе.

После разговора он долго сидел у окна. Снаружи моросил дождь. От рыночной площади доносилась музыка из припаркованной машины. Молодые люди спорили о том, где провести вечер. В гостиничном коридоре звякала тележка горничной.

В двадцать три десять Артём надел куртку и вышел.

У старой автостанции не горело ни одного фонаря. Только жёлтая полоса света падала из окна круглосуточной аптеки напротив. Он встал под навесом, где когда-то висело расписание. На телефон пришло сообщение от Веры: фотография Нины. Девушка с короткими тёмными волосами улыбалась, держа в руках реставрационную кисть. «Работала в музее, — писала Вера. — Не исчезала из жизни добровольно».

Артём сохранил снимок.

В 23:34 под навесом стало заметно холоднее. Ветер стих. Перестал шуршать дождь по жестяной крыше. Вместо него послышалось ровное гудение — низкое, дизельное. Сперва очень далеко, затем ближе.

Из темноты выехал автобус.

Не призрак, не размытая фигура на дороге: старый ПАЗ с грязными колёсами и запотевшими окнами. Белый кузов, красная полоса вдоль бортов. Фары освещали выбоины так убедительно, что Артём увидел в них мелкую известковую пыль. Машина подъехала к пустой платформе и остановилась.

На лобовом стекле за стеклянной табличкой стояло число «17».

Дверь открылась с тяжёлым шипением. Из кабины вышел водитель: седые виски, тёмная форменная куртка, лицо, которое Артём видел на старой фотографии колонны — тогда мужчина выглядел точно так же.

— Билет, — сказал водитель.

Артём не двинулся.

— Куда идёт автобус?

— На конечную.

— В Ольхов Лог?

Водитель быстро посмотрел в сторону аптеки, будто опасался свидетелей.

— Имён мест здесь лучше не называть.

— Вы Пётр Громов?

Мужчина взялся за поручень двери.

— Последний рейс. Решайте.

Артём достал билет. Водитель даже не удивился, увидев дату. Только на мгновение отвёл взгляд от цифры «12».

— Она велела не садиться, — сказал он.

Это была не догадка. Водитель произнёс слова таким тоном, словно проверял, услышал ли Артём предупреждение.

— Вы знаете мою сестру?

— Все здесь кого-нибудь знают. — Громов постучал по двери. — Но далеко не всем нужно возвращаться.

Внутри автобуса было светло. Пустые сиденья стояли в два ряда. На двенадцатом лежала красная детская варежка, хотя детские вещи в ноябре 2009-го никак не могли оставаться новыми и сухими семнадцать лет.

На часах телефона высветилось 23:39.

Артём сделал шаг назад.

— Я не сяду.

Громов не улыбнулся. Скорее с облегчением кивнул.

— Тогда уберите билет. И когда услышите воду — не бегите навстречу.

Дверь закрылась. Машина тронулась без привычного рывка и повернула на дорогу к водохранилищу.

Артём достал телефон и набрал Веру.

— Я видел его, — сказал он, когда она ответила. — Настоящий автобус. Семнадцатый. Водитель знает Марину.

— Где ты?

— У старой станции. Я не сел.

— Слава богу. Уходи оттуда.

Он смотрел на красные огни, исчезавшие за поворотом. В глубине кармана лежал старый билет. Теперь картон стал тёплым на ощупь.

— Вера, помнишь, ты сказала, что маршрут вёл к мосту?

— Артём, нет.

— Я знаю, где объезд. Есть старая дорога вдоль русла. Машина туда не пройдёт, но пешком можно.

— Не надо. Ты обещал.

— Я обещал не садиться в автобус. И не сел.

Он услышал, как Вера резко вдохнула.

— Тогда пообещай другое: если дорога кончится, развернёшься. Даже если увидишь сестру.

Артём ответил не сразу.

— Позвоню, когда буду знать, что там.

Он отключился прежде, чем она успела возразить. Не потому, что был смелым. Просто очень боялся услышать в её голосе то же самое, что слышал семнадцать лет в материнском: просьбу оставить Марину в прошлом.

На перекрёстке старый автобус пропал из виду. Но далеко впереди, за тёмной полосой леса, на секунду вспыхнул свет, будто фары осветили поворот, которого на карте не существовало.

Артём пошёл следом.